

201
856
Д. И. Эварницкій.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ

ОТЪ БАКУ ДО ТАШКЕНТА

ВЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Издано на средства, ассигнованныя Туркестанскимъ Генераль-
Губернаторомъ.

ТАШКЕНТЪ.

Типо-литографія наследниковъ С. П. Лахтина.

1893

Печатано съ разрѣшенія военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области.

А 201
856

Д. И. Эварницкій.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ

ОТЪ БАКУ ДО ТАШКЕНТА

ВЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Ташкентъ.
Типо-литографія наследниковъ С. П. Лахтина.
1893.

Печатать разрѣшается Военнымъ Губернаторомъ Сыръ-Дарьинской области.

Предисловіе.

Цѣль настоящаго труда—дать въ руки образованному человѣку книгу, въ которой онъ могъ бы найти краткія археологическія, историческія и отчасти этнографическія свѣдѣнія по пути отъ Узунъ-ада до Ташкента. Потребность въ такой книгѣ давно уже ощущается у насъ. Дѣло въ томъ, что всякій образованный человѣкъ, переплывшій Каспійское море и очутившійся, такъ сказать, въ преддверіи Средней Азіи, чувствуетъ, хотя и смутно, что онъ находится въ самыхъ интересныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстахъ, но не знаетъ, откуда бы ему извлечь на этотъ счетъ такія или иныя указанія. Онъ слышалъ, конечно, что тутъ, въ Средней Азіи, и родина арійскаго племени; что тутъ проходили и Нинъ, царь ассирійскій, и Александръ, царь македонскій; что тутъ гдѣ то погибъ Киръ, царь персидскій; что тутъ же одно время были китайцы, турки, арабы, монголы, татары съ ихъ страшными вождами и міропотрясателями, каковы въ особенности Чингизъ-ханъ и Тамерланъ; онъ слышалъ, что въ настоящее время тутъ живутъ какіе-то народы текинцы, киргизы, сарты, таранчи, таджики,—обо всемъ этомъ образованный русскій человѣкъ, перешагнувшій изъ Закавказья въ Закаспійскій край, хотя и имѣетъ такія или иныя представленія, не имѣетъ указаній, къ какимъ именно мѣстамъ приложить свои свѣдѣнія. Авторъ настоящей книги имѣлъ въ виду оказать свою посильную помощь такому путешественнику и подѣлиться съ нимъ своимъ, хотя весьма скуднымъ, запасомъ на этотъ счетъ познаній. Въ Закаспійскомъ и Туркестанскомъ краѣ онъ—человѣкъ совершенно новый, и потому трудъ его представляетъ собой первый въ

II

этомъ родѣ опытъ. Какъ первый опытъ, онъ далеко не отличается должной полнотой и оставляетъ много чего желать но лучше имѣть что-нибудь, чѣмъ ничего. По крайней мѣрѣ, если этотъ трудъ вызоветъ другія, подобныя ему, работы, то авторъ его безмѣрно будетъ тому радъ; а пока онъ одного желаетъ—возможно скорѣйшей распродажи настоящей книги, такъ какъ все изданіе ея предназначается исключительно въ пользу сиротъ, лишившихся своихъ родителей во время минувшей холерной эпидеміи.

I.

Баку, Узунъ-ада, Песчаная пустыня, станція Казанджикъ, горные хребты Кюренъ-дагскій, Колетъ-дагскій, Туркестанскій, Заравшанскій, Гиссарскій, Алайскій, Заалайскій; Ахаль-текинскій оазисъ, крѣпость Геокъ-Теле, Асхабадъ; ахаль-текинцы, городъ Аннау, крѣпость Артыкъ, рѣки Тедженъ и Мургабъ, Новый-Мервъ съ крѣпостью Коушутъ-ханъ-кала, крѣпость Джюльбарсъ.

Путешественникъ, отправляющійся почему-либо изъ Сѣверной Россіи въ Среднюю Азію, обыкновенно беретъ путь на Москву, Тулу, Орель, Курскъ, Харьковъ, Новочеркасскъ, Владикавказъ, Тифлисъ и Баку. Въ Баку онъ отдыхаетъ отъ длиннаго и утомительнаго пути, собираетъ всевозможныя, обыкновенно весьма смутныя и весьма превратныя, свѣдѣнія о Средней Азіи и съ ними, если попадетъ ко времени отхода парохода къ Азіатскому берегу Каспія, продолжаетъ дальнѣйшій путь въ тотъ-же день. Если же день пріѣзда путешественника не совпадетъ со днемъ отхода парохода, тогда онъ волей-неволей отправляется по улицамъ и переулкамъ Баку и также волей-неволей знакомится съ особенностями этого города.

О прошломъ города Баку путешественникъ узнастъ очень немного. Ему скажутъ, что городъ Баку¹⁾ существовалъ уже въ III вѣкѣ до Р. Х. и принадлежалъ въ то время персамъ, распространившимъ свою власть и на Среднюю Азію и на все Закавказье. Каковъ былъ въ отдаленныя времена городъ

¹⁾ Правильнѣе Бадкубъ, отъ персидскихъ словъ „бад“ и „куб“ ударъ вѣтра, потому что городъ стоитъ на открытомъ мѣстѣ, подверженномъ вліянію сильнѣйшихъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ.

Баку, объ этомъ путешественникъ совсѣмъ ничего не узнаетъ, но зато въ настоящее время этотъ городъ, съ его страшною пылью, съ его удушливымъ нефтянымъ воздухомъ, съ его знойнымъ и сухимъ климатомъ, навсегда останется въ его памяти. А если къ этому путешественникъ увидитъ еще то, что Баку вовсе лишенъ водопровода и почти что лишенъ всякой зелени, то въ его глазахъ этотъ городъ покажется феноменомъ-городомъ изъ всѣхъ городовъ Россійской имперіи. И точно, путешественникъ, странствовавшій десятки лѣтъ по Россіи, едва-ли увидитъ болѣе непривлекательный, болѣе безотрадный и болѣе безнадежный городъ, какъ городъ Баку. Если бы выше него не стоялъ городъ Тифлисъ, то Баку былъ-бы совсѣмъ лишенъ зелени, необходимой для пропитанія человека: вся такая зелень привозится въ него изъ Тифлиса съ каждымъ поѣздомъ. А все бѣдствіе, какъ говорятъ обыватели, происходитъ въ Баку отъ того, что мѣстные воротилы дѣлъ города все еще никакъ не надумаются (а думаютъ уже около десяти лѣтъ) провести въ городъ водопроводъ; былъ-бы водопроводъ, была-бы и зелень, были-бы и овощи, была-бы и поливка улицъ, былъ-бы и приличный видъ въ городѣ. И это совершенно справедливо, а пока того нѣтъ, Баку все-же безотраднѣйшій городъ изъ русскихъ городовъ. Говорятъ, что въ отдаленнѣйшія отъ насъ времена, за много верстъ отъ города Баку, воздвигнутъ былъ, для предупрежденія отважныхъ путешественниковъ, пускавшихся изъ Европы въ Азію, высокій столбъ, на которомъ восточными мудрецами начертана была слѣдующая надпись:

„Безъ нужды не ѣзди въ Баку,

Безъ крайности не плавай въ Узунъ-ада,

Безъ крайней необходимости не бросайся въ Голодную стену“.

Изъ Баку путешественникъ можетъ на одномъ изъ пароходовъ общества „Кавказъ и Меркурій“ (отходятъ только два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ), черезъ однѣ сутки, переплывши поперекъ Каспійское море попасть въ Узунъ-ада. Отъѣхавши самое незначительное разстояніе отъ Баку, путешественникъ увидитъ у европейскаго берега моря, противъ предмѣстья города, Сураханы, мѣсто, гдѣ зажигаютъ на водѣ такъ называемые вѣчные огни. Вѣчными огнями называются нефтяные газы, выходящіе изъ земли черезъ воду, зажигаемые по ночамъ прибрежными жителями на удивленіе путешественниковъ; горятъ они не сплошными и большими пространствами, какъ думаетъ всякій путешественникъ, не видѣвшій еще этого дива, а спорадически и очень небольшими (не больше шапки), такъ сказать, кущами. Древнимъ людямъ эти огни на водѣ казались чудомъ чудесъ, и потому многіе изъ нихъ, особенно огнепоклонники персы, стекались сюда съ разныхъ сторонъ, предаваясь здѣсь возвышенному міросозерцанію и здѣсь-же оканчивая свои земные дни.

Послѣ суточного съ небольшимъ плаванія, при благоприятной погодѣ, пароходъ общества „Кавказъ и Меркурій“ доставляетъ пассажировъ съ европейскаго берега Каспія къ азіатскому, къ пристани Узунъ-ада; впрочемъ, въ виду мелководья залива Узунъ-ада, пассажиры должны, прежде чѣмъ высадиться на берегъ, пересѣсть на пароходъ малаго размѣра и съ этимъ уже пароходомъ приставать въ заливъ. Это и хлопотно и неудобно. А, говорятъ, было когда-то, что пассажиры, не пересаживаясь на мелкій пароходъ, приставали большими пароходами выше Узунъ-ада, въ Красноводской гавани: для этого стоило-бы только поднять рельсы Закаспійской желѣзной дороги къ Красноводску, и удобства полу-

чились-бы превосходныя; говорятъ также, что эта мысль уже давно занимаетъ начальственныхъ лицъ дороги, хотя все еще почему-то не приводится въ исполненіе; говорятъ, наконецъ, что когда-то Красноводскъ и былъ настоящею гаванью, которая принимала въ себя всѣ суда, идущія отъ европейскаго къ азіатскому берегу Каспійскаго моря.

И такъ, отъ Баку путешественникъ, отправляющійся въ Среднюю Азію, прежде всего попадаетъ въ Узунъ-ада. Узунъ-ада съ турецкаго на русскій значить Длинный заливъ („Узунъ“ — длинный, „ада“ — заливъ). Высадившись на берегъ, путешественникъ первѣе всего поражается тѣмъ, что здѣсь не видно ни города, ни станціи, ни извозчиковъ. Оказывается, что пристань отстоитъ отъ желѣзнодорожной станціи на очень и даже очень значительномъ разстояніи и для того, чтобы добраться до желанной станціи, нужно сдѣлать все пространство къ ней отъ пристани пѣшкомъ, а вещи свои вручить случайному носильщику, такъ какъ извозчиковъ здѣсь по штату совсѣмъ не полагается. Послѣ цѣлаго ряда неудобствъ и непріятностей, путь, наконецъ, пройденъ, и тутъ открывается жалкій видъ на жалкій вокзалъ первой станціи Закаспійской желѣзной дороги, а противъ вокзала выдвигается въ небольшую линію и самый поѣздъ, готовый принять въ себя пассажировъ. Поѣздъ отходитъ изъ Узунъ-ада всего лишь два раза въ недѣлю, и время его отъѣзда совпадаетъ со временемъ прибытія къ пристани парохода. Все разстояніе отъ Узунъ-ада до Самарканда, 1343 версты, поѣздъ проходитъ почти въ двои съ половиной сутокъ; въ немъ полагается только два (II и III) класса и въ среднемъ изъ вагоновъ — важнѣйшее для пассажировъ удобство, столовая. Всѣ служащіе на Закаспійской желѣзной дорогѣ, отъ начальника станціи до сторожа,

назначаются только изъ лицъ, служащихъ въ войскѣ.

Сѣвъ въ одинъ изъ вагоновъ поѣзда и отъѣхавъ 5—10 верстъ отъ станціи Узунъ-ада, путешественникъ осматривается кругомъ, приходитъ въ невольное удивленіе и невольно вспоминаетъ зловѣщее предупрежденіе древнѣйшихъ восточныхъ мудрецовъ, начертанное ими на столбѣ, не доѣзжая города Баку: безъ нужды не ѣздить въ Баку, а безъ крайности не плавать въ Узунъ-ада. Да, это святая, трижды святая истина!... Страшенъ, впрочемъ, здѣсь не самый Узунъ-ада, а тѣ пески, которые окружаютъ его. Вотъ она, Средняя Азія-то! Вотъ оно, Гирканское море греческихъ, а Хвалынское русскихъ людей съ его далекими восточнымъ и южнымъ берегами! Здѣсь не увидѣть „ни дѣса дремучаго, ни птицы летучія, ни звѣря прыскачаго, ни травушки-муравушки, добрымъ конямъ на потравушку“. Одни непроходимые и необозримые пески, голые, зыбучіе, раскаленные, безотрадные и безпривѣтные, а по мѣстамъ, между этими песками, бѣлые, точно покрытые сплошнымъ налетомъ снѣга, то совершенно сухіе, съ твердою какъ кирпичъ почвою, то мокрые, какъ непроходимыя топи, солончаки. Ни травинки, ни кустика здѣсь не найти а ни за сотни, а ни за тысячи рублей. Есть, правда, гдѣ-то тамъ, далеко-далеко, за сотни верстъ впереди, какое-то дерево саксаулъ, если не скрашивающее мертвую пустыню, то, по крайней мѣрѣ, мѣстами укрѣпляющее ее. Но то далеко гдѣ-то, а здѣсь, сколько хватаетъ глазъ, совершенно обнаженная, безводная и бездождная песчаная пустыня, настоящая стихія смерти, необитаемая ни людьми, ни звѣрями. Недаромъ-же здѣсь знаменитый законодатель Персіи Зороастръ, родившійся въ нынѣшнемъ Аджарбайджанѣ, персидской области противъ южнаго берега Каспійскаго моря, и жившій за 2500 лѣтъ до Р. Х., въ

этой пустынь мертвых и сыпучих песков Средней Азии помѣщалъ жилище злого бога Аримана съ его страшнымъ тронѣмъ и со всею плеядою свирѣпыхъ выразителей воли его, князей тьмы, именовавшихся дивами. Недаромъ же геологи доказываютъ, что здѣсь нѣкогда было дно соленого моря, съ теченіемъ времени частію испарившагося, частію переливнаго свои воды въ другія, болѣе низменные, но удобныя мѣста. При взглядѣ на это безысходное царство песковъ, сердце путешественника невольно поддается какому-то тяжелому чувству, а языкъ самъ собою спрашиваетъ: „Да что жъ это такое? Да зачѣмъ же нестись въ эту страшную Азію? Ужъ не вернутся-ли назадъ?... Однако, чувство любознательности преодолеваетъ чувство безотрадной грусти, и путешественникъ ѣдетъ дальше.

А дальше все тѣже пески и тѣже солончаки, издали принимаемые иногда, вслѣдствіе степнаго миража, за обширныя и чистѣйшей воды озера. Пески эти отдѣляютъ отъ себя мельчайшую ѣдкую пыль, которая, проникаетъ чрезъ открытыя и закрытыя двери и окна вагоновъ и наполняютъ собой носъ, ротъ, уши, глаза, волосы человѣка. Но хорошо еще, если пассажиръ ѣдетъ въ тихую и безвѣтренную погоду; храни-же, Богъ, подуетъ вѣтеръ! Тогда поднимается цѣлое море песку, выдвигаются цѣлыя горы, появляются цѣлыя холмы; тогда станціи теряются изъ виду, и движеніе поѣздовъ совсѣмъ прекращается. Въ этомъ случаѣ летучій песокъ для дороги Закаспійскаго края Азіатской Россіи тоже, что непрерывная и долгая зимняя мятель для дорогъ Европейской Россіи: также нерѣдко вагоны сходятъ отъ песку съ рельсовъ, также нанимаются рабочіе для очистки пути, также поѣздъ поминутно то тамъ, то здѣсь останавливается и на каждомъ шагѣ борется съ не-

укротимой стихіей. И ко всему этому страшная, невыносимая, по истинѣ африканская жара, доходящая здѣсь, на открытомъ воздухѣ, до 55, а въ рѣкахъ до 23 градусовъ по Реомюру! Вотъ тутъ то и сказывается все удобство имѣть при самомъ поѣздѣ столовую. Въ этой столовой пассажиръ можетъ найти себѣ и чай, и различныя минеральныя воды, и всякіе фрукты, и мѣстные вина, также какъ болѣе или менѣе сносныя обѣды. Не будь этихъ столовыхъ, пассажиръ хотъ умирай отъ голода и въ особенности отъ жажды, потому что большинство станцій по Закаспійской желѣзной дорогѣ отличается невѣроятнымъ убожествомъ въ смыслѣ питья и пропитанія; въ нихъ вода и та „казенная“: она берется изъ лучшихъ источниковъ и развозится въ особыхъ бакахъ особыми „водяными“ поѣздами по безводнымъ станціямъ и иногда (во время заносовъ песками) цѣнится на вѣсъ золота.

Но какъ бы ни было, а поѣздъ идетъ поступательно впередъ; оставляя версту за верстой, онъ приходитъ къ осьмой по счету отъ начала дороги станціи Казанджикъ.

Станція Казанджикъ — (отъ турецкаго слова „казанъ“ — котелъ съ окончаніемъ „джикъ“, что въ общемъ означаетъ мѣсто, гдѣ живутъ котельные мастера) примѣчательна въ томъ отношеніи, что отъ нея начинается, вдоль дороги, съ правой стороны, цѣпь горныхъ хребтовъ, идущихъ непрерывно до самаго Тянь-Шаня и составляющихъ его отроги; это хребты Кюренъ-дагскій, Копетъ-дагскій, Туркестанскій (съ горами Чукмарской, Мальгузарской и Нуратинской), Заравшанскій (съ горою Ягнобскою), Гиссарскій (съ перевалами Мурой и Пакшифскимъ), Алайскій и Заалайскій. Горы эти составляютъ жизнь для русскихъ владѣній Средней Азии, потому что онѣ выделяютъ изъ своихъ вѣчныхъ снѣговъ множество

рѣкъ, ручьевъ, озеръ, даютъ возможность устройства искусственныхъ каналовъ, и всѣмъ тѣмъ питаются, оживотворяютъ и орошаютъ всю страну.

Отъ станціи же Казанджикъ нѣкоторые полагаютъ начало знаменитаго Ахаль-текинскаго оазиса, идущаго до станціи Гяурса, на протяженіи 205 верстъ; впрочемъ, другіе полагаютъ начало Ахаль-текинскаго оазиса отъ станціи Узунъ-су („Длинная вода“), или же отъ крѣпости Кизиль-арватъ („Красная—дѣвица“) до Гяурса, на протяженіи 237 верстъ.

Судя по древнимъ греческимъ географамъ, въ этомъ оазисѣ находилась часть страны Маргіаны, заключавшейся между рѣкой Эпардусомъ (Атрекомъ), впадавшей въ Каспійское море съ южной стороны, и рѣкой Оксусомъ, вливавшейся въ Каспійское море съ восточной стороны. Вдоль этой области, по южной окраинѣ ея, двигался изъ лѣсовъ Гирканіи (Мазандерана) въ Бактрію знаменитый царь македонскій, Александръ Великій. Путь его лежалъ южнѣе теперешней линіи Закаспійской желѣзной дороги, вдоль тѣхъ самыхъ горъ, которыя тянутся параллельно дорогѣ и служатъ естественною границей между владѣніями Персіи и Россіи ¹⁾.

Въ настоящее время въ чертѣ Ахаль-текинскаго оазиса между другими станціями находятся двѣ замѣчательнѣйшія, Геокъ-Тепе и Асхабадъ.

Геокъ-Тепе (или отъ „гююк“—сожженный и „тепе“—холмъ, или отъ „гек“ (кюк)—„синій и „тепе“—холмъ) достойна вниманія, какъ бывшая ахаль-текинская крѣпость, отбитая штурмомъ нашими войсками у текинцевъ 12 января, 1881 года, подъ начальствомъ

¹⁾ О дѣліяхъ Александра Великаго, Квинта Курція, 1745, карта III; Вимберг. Путешествіе по Средней Азіи, СПб, 1865, карта; Лютовъ. Александръ Великій, Ташкентъ, 1890.

знаменитаго генерала М. Д. Скобелева. Здѣсь была самая жестокая и самая упорная битва русскихъ съ туземцами всей Средней Азіи. Мѣсто дѣйствія происходило собственно не въ самомъ Геокъ-Тепе, а въ лежащей ниже его крѣпости Денгиль-калъ („Денгиль“ по джагатайски собраніе, „кала“—крѣпость), считавшейся одною изъ сильнѣйшихъ крѣпостей текинцевъ. Собраннымъ въ Денгиль-калъ въ числѣ 45,000 человекъ, подъ начальствомъ четырехъ хановъ: Оразъ-Махметъ, Азратъ-кули, Махтумъ-кули и Махметъ-кули, текинцы рѣшили защищать крѣпость до послѣдней капли крови и лучше умереть, чѣмъ сдаться русскимъ. Русскіе, въ числѣ 20,000 человекъ, при 100 орудіяхъ, должны были сперва вывести вокругъ Денгиль-калы цѣлый рядъ траншей, чтобы придвинуть возможно ближе къ крѣпости свои батареи, и только послѣ того разсчитывать на рѣшительный шагъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Подложивъ подъ крѣпость мины, русскіе взорвали, на протяженіи 15 сажень, крѣпостную стѣну и бросились на приступъ, но тутъ встрѣтили страшное сопротивленіе не только со стороны войска, но и со стороны простыхъ жителей, не исключая стариковъ, женщинъ и дѣтей. Однако, крѣпость была взята, и въ одну ночь текинцевъ было перебито, по ихъ собственному счету 14,000, или, по русскому счету, 8000 человекъ, не считая раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ; кромѣ людей, пало множество верблюдовъ и лошадей. Такимъ образомъ европейская культура и христіанство восторжествовали надъ азіатскою культурой и мусульманствомъ, и ахаль-текинцы должны были признать себя подданными русскаго царя ¹⁾.

Въ настоящее время, крѣпость Денгиль-кала

¹⁾ Гейнсъ. Военный Сборникъ, 1882, Іюль.

представляет изъ себя ничтожныя развалины, которыя привлекаютъ къ себѣ жадное вниманіе лишь однихъ археологовъ, а по ночамъ усердно оглашаются жалобнымъ воемъ вѣчно голодныхъ шакаловъ да плачущихъ совъ. Крѣпость эта стоитъ на открытой, ничѣмъ незащищенной, мѣстности; окружность ея имѣетъ болѣе 4 верстъ; внутренняя площадь около одной съ четвертью квадратной версты длины и около половины квадратной-же версты ширины; вокругъ крѣпости вырытъ ровъ, до 4 саж. ширины и до 3 саж. глубины, и выведены глинобитныя стѣны до 2 саж. высоты, до 5 саж. снизу и до 3 саж. сверху толщины. Стѣны состоятъ изъ наружней и внутренней, каждая толщиною фута въ полтора, съ промежуткомъ между ними аршинъ 5—7 ширины; промежутокъ этотъ набитъ, не доходя на аршинъ или полтора до самого верха стѣнъ, твердой, безъ примѣси камней, глиной, и представляетъ собой нѣчто въ родѣ широкой улицы, съ обѣихъ сторонъ окаймленной двумя стѣнами, или какъ-бы разставленными одинъ противъ другаго двумя дисками щитовъ; въ самомъ вѣнцѣ наружней стѣны прорѣзаны узкія бойницы, а внизу подѣланы траверсы для стрѣльбы въ непріятеля и для защиты отъ него во время бомбардировки крѣпости; для выхода изнутри на стѣны крѣпости подѣланы углубленныя ступени, въ родѣ промоинъ; а для защиты отъ непріятеля семействъ покопаны по самому долу крѣпости глубокія ямы; для въѣзда въ крѣпость сдѣлано 9 входовъ, закрытыхъ вмѣсто воротъ, особыми стѣнами, вынесенными за ровъ крѣпости.

Сдѣлавшись подданными русскаго царя, ахаль-текинцы постепенно начинаютъ входить въ колею новой жизни, хотя ассимилируются съ русскими весьма неохотно и оттого весьма медленно.

Величина занимаемой ими территоріи составляетъ около 230,000 квадратныхъ верстъ, а вся численность населенія простирается до 120,000 человѣкъ. О своемъ прошломъ они мало чего знаютъ: письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ вовсе не имѣютъ и ограничиваются лишь скудными преданіями, не восходящими далѣе 500—1000 лѣтъ. По преданію, ахаль-текинцы получили свое названіе отъ собственнаго имени „Акъ-халь“ (по русски значить „Бѣлая-родинка“), перваго среди туркменъ проповѣдника мусульманства, и нарицательнаго имени „текъ“—козель, главнаго, вмѣстѣ съ бараномъ, животнаго, доставлявшаго богатство, пищу и одѣяніе Акъ-халу. По тому же преданію, всѣ текинцы ахаль-текинскаго, мервскаго и теджентскаго оазисовъ находятся между собой въ племенномъ и притомъ весьма близкомъ родствѣ, такъ какъ считаютъ своимъ родоначальникомъ нѣкоего Саларъ-Казана; въ болѣе отдаленномъ съ ними родствѣ находятся племена: шейхи, саяиды, ата, нухуры, мурча, карадашлы, юмуды, гокланы и нѣкоторыя другія.

Сами себя, по роду занятій, текинцы раздѣляютъ на чарву и чомуровъ; чарва—это классъ зажиточныхъ скотоводовъ, переходящихъ съ мѣста на мѣсто ради пастбы скота; чомуры—это классъ сравнительно бѣдныхъ людей, неимѣющихъ скота и потому лишенныхъ возможности кочевать съ мѣста на мѣсто, а вслѣдствіе этого обреченныхъ на сидѣніе въ аулахъ и охрану садовъ и хлѣбныхъ посѣвовъ.

По внѣшнему виду, текинцы и довольно привлекательны, и довольно внушительны. Въ общемъ они высоки, стройны, красивы, сильны и мужественны; имѣютъ большіе черные глаза, длинные съ подъемомъ носы, черныя густыя бороды; они всѣ, безъ исключенія, брѣютъ себѣ головы, на бритыя головы надѣваютъ

маленькія разноцвѣтныя тюбетейки (родъ скуфьи), а поверхъ тюбетеекъ огромныя, грибовидныя, черныя, чуть ли не изъ цѣлаго годовалаго баранка, шапки; на ногахъ носятъ обыкновенно бабмаки, въ рѣдкихъ случаяхъ (во время путешествія) сапоги: одѣваются въ холщевыя сорочки и такія же (рѣже ситцевыя) весьма умѣренной ширины шаровары, а поверхъ этого въ бумажные разныхъ цвѣтовъ и разнаго достоинства халаты, опоясанные сверху широкимъ поясомъ съ привѣшаннымъ къ нему ножомъ, кривой саблей или кинжаломъ.

Текинцы отличаются правдивостью, честностью, уваженіемъ къ закону, почтеніемъ къ старцамъ, гостепріимствомъ и религіозною терпимостью, составляющими положительныя стороны ихъ характера; но съ тѣмъ вмѣстѣ текинцы апатичны, лѣнны, невосприимчивы ни къ грамотѣ, ни къ культурѣ, нечистоплотны, иногда лживы, весьма склонны къ аламанству („аламанъ” — грабитель) и къ калтаманству („калтаманъ” — карманникъ), т. е. къ разбою и къ мелкому воровству, что все вмѣстѣ составляетъ отрицательныя стороны ихъ характера.

Все текинцы-мусульмане суннитскаго толка, но какъ исполнители обрядовъ, постовъ, и намазовъ установленныхъ кораномъ и шаріатомъ¹⁾, они стоятъ наравнѣ съ киргизами, т. е. и мало понимаютъ догматы своей вѣры и мало исполняютъ требованія своихъ муллъ (вѣроучителей) и казіевъ (народныхъ судій).

Пищей и питьемъ текинцамъ служатъ пшеничныя лепешки (чуреки), кислое процеженное коровье и верблюжье молоко, называемое сюзьмой, джугаровая каша, куриныя яйца, коровье и овечье масло, молочная съ водой похлебка, бураковый съ кунжутнымъ масломъ наваръ.

¹⁾ Шаріатомъ называется система мусульманскаго законодѣнія; буквально значитъ указаніе пути (разумѣется, къ спасенію).

лапша, баранье или верблюжье мясо, палау (пилавъ), шурпа, т. е. бараній бульонъ, зеленый чай и особаго рода кисловато-сладкій спиртуозный напитокъ чаль, приготовляемый изъ верблюжьего или коровьяго молока.

Жилищами для текинцевъ служатъ чатлы и кибитки, т. е. то меньшихъ, то большихъ размѣровъ круглые, подобные небесному своду, шалаши, связанные изъ прутьевъ и камыша, сверху обтянутые войлокомъ, внутри устланные кошмой и по стѣнамъ увѣшанные оружіемъ, сбруей и различными предметами хозяйственныхъ принадлежностей.

Развлеченія текинцевъ составляютъ — конскія скачки, бой верблюдовъ, барановъ, пѣтуховъ, состязаніе въ борьбѣ мальчиковъ (до 15-ти лѣтняго возраста), рассказы о геройскихъ на войнѣ подвигахъ, пѣніе пѣсенъ и игра на музыкальныхъ инструментахъ — дутарѣ и камышевой дудкѣ.

Жены текинцевъ ходятъ съ открытыми лицами; зато онѣ лишены собственной воли почти до глубокой старости ихъ чуть ли не съ дѣтства продаютъ въ замужество, получая иногда калыму до 300, а иногда до 1500 р. за одну дѣвушку; на нихъ лежатъ самыя многосложныя домашнія обязанности; такъ, онѣ разбиваютъ, при перекочевкахъ, юрты, пасутъ скотъ, готовятъ пищу, ткутъ ковры, выдѣлываютъ различные для одежды и покрытія кибитокъ матеріалы¹⁾.

Черезъ одну станцію отъ Геокъ-Тепе, носящую названіе Безмеина²⁾, находится станція Асхабадъ, нѣкогда столица ахаль-текинскаго оазиса, теперь мѣстопробываніе начальника Закаспійскаго края. Ас-

¹⁾ Обзоръ Закаспійской области, Асхабадъ, 1892, 13, 17, 20, 21, 34 — 40.

²⁾ Правильнѣе Вазмаина, что съ персидскаго на русскій языкъ значитъ «Мѣсто вѣски бачей».

хабадъ съ арабскаго на русскій значить „любимое“ или въ отдаленномъ значеніи „пріятное мѣсто“ („ышкъ“ — любовь и „абадъ“ — благоустроенное, населенное мѣсто¹⁾). Если такое толкованіе правдоподобно¹⁾, то дѣйствительно Асхабадъ можно назвать пріятнымъ городомъ, такъ какъ здѣсь путешественникъ уже не увидитъ тѣхъ страшныхъ песковъ, представляющихъ изъ себя безотрадную картину унынія и смерти и поражающихъ его уже тотъ часъ при выѣздѣ изъ Узунъ-ада въ Среднюю-Азію; напротивъ того, здѣсь взоръ его будутъ пріятно ласкать зеленѣющіе сады съ ихъ необходимыми украшеніями, стройными и густолиственными тополями, уходящими далеко вверхъ, къ небу.

За то въ этомъ же Асхабадѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Закаспійскаго и Туркестанскаго края, распространена болѣзнь, называемая пендинкой (отъ мѣстечка Пенде или Тахта-базаръ, находящагося вверхъ по рѣкѣ Мургабу, въ 228½ верстахъ отъ Асхабада, по Голотанской дорогѣ), иначе паша-хурдой, сартовской болѣзью или болѣзью bouton d'aler. Болѣзнь эта состоитъ въ томъ, что какой-то, еще неизвѣстный нашимъ врачамъ, микробъ, водящійся въ водѣ или въ воздухѣ, проникаетъ подъ кожу человека и производитъ язвы на щекахъ, на носу, на ушахъ, на рукахъ и на другихъ открытыхъ и закрытыхъ мѣстахъ. Иногда число этихъ язвъ доходитъ до 200, и человекъ, пораженный ими, страдаетъ невыразимо: ему нѣтъ никакой возможности ни сѣсть, ни лечь. Застраховать себя отъ этой болѣзни нѣтъ никакихъ средствъ: иногда она поражаетъ новаго человека черезъ 3—4 дня, не смотря на самую тща-

¹⁾ Есть и другое толкованіе: отъ арабскихъ словъ: „асхабъ“ — хозяинъ и „абадъ“ — городъ.

тельныя съ его стороны мѣры предосторожности; иногда она въ одной и той же семьѣ поражая однихъ, совсѣмъ не трогаетъ другихъ. Жаль смотрѣть на какого-нибудь молодого красиваго человека, обезображеннаго этой болѣзью; въ Европейской Россіи сказали бы, что это — кавалеръ классической богини Венеры, но въ Азіатской Россіи — это только несчастная жертва пендинки. Изъ всѣхъ мѣстъ Средней Азіи эта болѣзнь наиболее распространена въ Асхабадѣ и его окрестностяхъ, гдѣ она носитъ специальное названіе „асхабадки“. Впрочемъ, эта же болѣзнь существуетъ и на Кавказѣ, напримѣръ, въ Елисаветпольской губерніи, гдѣ она носитъ названіе „годовика“, потому что будтобы развивается и пропадаетъ въ организмѣ человека въ теченіе одного года. Лѣчатся отъ этой болѣзни различными средствами: холодной водой, чернилами, свинцовой мазью, кломъ, землею, смоченной человѣческой уриной, и т. п.

Отъ Асхабада поѣздъ идетъ по степной мѣстности, послѣдовательно минуя станціи Аннау, Гяурсъ, Аксѣу, Баба-дурмазъ и Артыкъ. Изъ этихъ пяти станцій въ археологическомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія первая и послѣдняя.

Станція Аннау находится въ 8 верстахъ отъ Асхабада, вблизи древнѣйшаго города съ этимъ-же названіемъ. Когда возникъ и кѣмъ основанъ этотъ городъ, остается совершенно неизвѣстнымъ. Можно думать лишь, что онъ существовалъ уже до Р. Х., во время Дарія, царя персидскаго и Александра, царя македонскаго. Мѣстное преданіе говоритъ, что онъ разрушенъ былъ, заурядъ съ другими городами, монгольскимъ завоевателемъ Чингизъ-ханомъ, но потомъ снова восстановленъ какимъ-то персидскимъ шахомъ. Русскіе, пришедшіе въ Закаспійскій край, въ 1881 году, нашли, однако, этотъ городъ снова въ разва-

линахъ; но кому обязанъ онъ былъ послѣднимъ своимъ разрушеніемъ, также остается совершенно неизвѣстнымъ.

Городъ Аннау расположенъ на высокомъ холмѣ, доминирующемъ надъ всею окрестною мѣстностью. Весь холмъ обнесенъ сѣрыми глинобитными стѣнами, въ однихъ мѣстахъ вполне уцѣлѣвшими, въ другихъ совсѣмъ или на половину обрушившимися, но въ общемъ придающими всѣмъ развалинамъ видъ неприступной крѣпости; между этими стѣнами, то тамъ, то сямъ, возвышаются высокія четырехъ-угольныя башни съ бойницами. Въ крѣпость, съ восточной, стороны, ведутъ узкія, еще и теперь крытыя, ворота. Внутри крѣпости видны остатки домовъ, башенъ, базарныхъ арокъ, холодиленъ, погребовъ, подваловъ, а между ними неисчислимое число разноцвѣтныхъ черепковъ битой посуды. Внѣ крѣпости, по склонамъ холма, разбросаны обрушившіеся дома, башни, гробницы, и т. п.

Изъ всѣхъ зданій, уцѣлѣвшихъ въ городѣ Аннау, обращаетъ на себя вниманіе его великолѣпная мечеть. Она какъ-то особенно величаво возвышается надъ развалинами города и въ ночное время, при мягкихъ переливкахъ свѣта луны, производитъ эффектъ поразительный. Мечеть эта занимаетъ южную сторону небольшого квадратнаго двора, имѣющаго 23 аршина въ длину и столько-же въ ширину и представляетъ собой типичный образецъ мечети въ персидскомъ стилѣ: она состоитъ изъ открытаго портала, увѣнчаннаго куполомъ, и лицевой арки, поднимающейся выше купола и имѣющей, въ самомъ верху, семь продолговатыхъ, въ видѣ узкихъ оконъ, просвѣтовъ а по бокамъ шесть глубокихъ нишъ, по три съ каждой стороны. Внутри мечети сдѣлано шесть большихъ оконъ (три прямо передъ зрителемъ и три съ

боковъ) и семь нишъ. Съ обѣихъ сторонъ мечети пристроены особые помѣщенія, очевидно, для благочестивыхъ подвижниковъ и юныхъ учениковъ. Во дворѣ, у правой стѣны портала, стоитъ могила какого-то святого, огражденная особою стѣной, имѣющею небольшой входъ, всегда закрытый деревянной, въ видѣ рѣшетки, калиткой. Изъ двухъ составныхъ частей мечети арка сохранилась вполне; самое же зданіе сильно пострадало отъ времени и грозитъ скорымъ паденіемъ.

При всемъ этомъ мечеть поражала и поражаетъ своимъ величіемъ самыхъ равнодушныхъ ко всякимъ архитектурнымъ произведеніямъ зрителей. Прекрасное описаніе этой мечети находимъ у Эдуарда Циммермана, три года тому назадъ путешествовавшаго по Средней Азіи. „Пробравшись кое-какъ между полуразрушенными стѣнами, окружающими холмъ, я поднялся, пишетъ Циммерманъ, вверхъ и увидѣлъ передъ собою буроватая стѣны мечети, съ которой обвалившіеся кирпичи грудой лежали у ея основанія. Вверху, въ щеляхъ едва сохранившагося купола, поселились голуби, стаями летавшіе вокругъ зданія. Лицевой фронтонъ оказался выше купола. Обращенный къ полотну желѣзной дороги, этотъ фронтонъ сохранился лучше всѣхъ другихъ частей и представляетъ самую интересную часть громадной развалины. Средину занимаетъ открытый порталъ, а по бокамъ его вся стѣна, снизу до верху, покрыта многоцвѣтною глазурью въ видѣ чудныхъ арабесковъ. Между ними, справа и слѣва надъ порталомъ, извиваются на встрѣчу другъ другу двѣ змѣи, прелестно составленные изъ той же глазури. Выше надъ змѣями, широкою, прямолинейною полосой, вдоль надъ порталомъ, съ арабесками переплетается крупная надпись, какъ надо полагать, на персидскомъ языкѣ. Цвѣта крас-

ный, синій, зеленый и желтый такъ еще свѣжи, ярки и сливаются между собою такими причудливыми узорами, съ такимъ гармоничнымъ сочетаніемъ колеровъ, что все вмѣстѣ представляется взору въ видѣ изящнаго, составленнаго изъ изразцовъ, блестящаго ковра, шитаго по канвѣ. Вотъ все, что сохранилось отъ этой, какъ видно, когда то величественной мечети. Но и этого достаточно для того, чтобы судить объ искусствѣ персидскихъ художниковъ, объ ихъ умѣнii распределять цвѣта въ такое согласное сочетаніе, что, не смотря на яркость, ихъ глазамъ пріятно смотрѣть на эти неумовимые извивы арабесковъ¹⁾.

Станція Артыкъ (порусски значить „Лишній“) стоитъ въ 80 верстахъ отъ Аннау и находится всего лишь въ двухстахъ саженьяхъ отъ персидской границы и въ трехъ верстахъ отъ персидскаго города Лютфабада, называемаго иначе Бабаджаномъ. Въ трехъ верстахъ отъ Артыка, съ лѣвой стороны желѣзно-дорожной линіи, находится крѣпость Кюрянъ-кала. По разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, она построена всего лишь около ста лѣтъ тому назадъ какими-то выходцами изъ Хивы, которые поселились сперва въ Каахка, а изъ Каахка перебрались въ Кюрянъ-калу; крѣпость предназначалась для защиты противъ персовъ. Въ общемъ она представляетъ изъ себя круглый высокій холмъ, рельефно выдѣляющійся на открытомъ фонѣ степной равнины и заключающій въ себѣ 150 шаговъ длины и столько-же ширины. Во внутрь крѣпости, съ южной стороны, ведутъ ворота, нѣкогда охранявшіеся четырьмя караульниками; по стѣнамъ ея было устроено 7 башенъ или бойницъ для стрѣльбы въ непріятеля; изъ всѣхъ

¹⁾ Циммерманъ. Русская Мысль, 1889, Мартъ, 27.

этихъ девяти башенъ въ настоящее время уцѣлѣло лишь 4, остальные всѣ обрушились. Изъ крѣпости проведены были для неизвѣстной причины глиняныя трубы (въ окружности 1 аршинъ), остатки которыхъ видны во дворѣ текинскаго старшины Барабать-бека. Средняя высота крѣпости до 60 сажень. По всѣмъ видимостямъ прежде основанія этой крѣпости сдѣланъ былъ высокій искусственный земляной холмъ, на которомъ потомъ возведены были стѣны и между стѣнъ построены башни. Не вдалекѣ отъ крѣпости возвышается огромный курганъ, по преданію, насыпанный болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ. Верстахъ въ 30 отъ крѣпости показываютъ остатки какой-то стѣны, идущей отъ юга къ сѣверу, имѣющей до 2 саж. ширины и устроенной, по преданію, царемъ Ану-Ширваномъ; мѣстные старожилы передаютъ, будто эта стѣна начиналась отъ Кюряна и тянулась до Герата и будто-бы царь Ану-Ширванъ хотѣлъ отдѣлить ею Иранъ отъ Турана. Впрочемъ, болѣе осторожные изъ тѣхъ-же старожиловъ, не ручаясь за точность своихъ показаній относительно времени возведенія стѣны, говорятъ, что это вопросъ чрезвычайной трудности, на которой и самъ Надиръ-шахъ ничего не могъ-бы отвѣтить.

Миновавъ 10 станцій различныхъ наименованій, потѣздъ проходитъ сперва рѣки Тедженъ и Мургабъ, а потомъ останавливается у станціи Новый-Мервъ.

Рѣка Тедженъ или Тадженъ есть тоже, что рѣка Гери-Рудъ; она примѣчательна въ томъ отношеніи, что въ ея лонѣ ученые полагаютъ колыбель арійскаго племени, носившую названіе Аріи съ городомъ этого же имени, теперь Гери или Гератомъ; имя этой рѣки приводитъ на память имя народовъ таджиковъ, считающихся древнѣйшими членами арійской семьи.

Рѣка Мургабъ—одна изъ прекраснѣйшихъ гор-

ныхъ рѣкъ Средней Азіи. Касательно названія ея существуетъ три объясненія: проф. Григорьевъ сближаетъ имя этой рѣки съ именемъ скиоскаго племени амюрійцевъ, жившихъ въ Средней Азіи и извѣстныхъ еще въ IV вѣкѣ до Р. Х. отцу исторіи, Геродоту¹⁾; а персидскій историкъ Гафизъ-Абру въ названіи рѣки Мургаба видитъ или испорченное слово Мервъ-абъ, что значитъ „Рѣка Мерва“, или же Мергъ-абъ, что значитъ „Вода луговъ“; послѣднее названіе могло произойти отъ того, что эта рѣка протекаетъ по ущельямъ Герджистана, покрытаго зелеными лугами, и потому именуется Мергъ-абомъ или Мургъ-абомъ.

Новый-Мервъ построенъ русскими всего лишь 9 лѣтъ тому назадъ, и потому въ смыслѣ древностей этотъ городъ не представляетъ изъ себя ничего интереснаго. Въ немъ есть лишь остатки большой крѣпости Кошутъ-ханъ-кала, возведенной текинскимъ вождемъ Кошутъ-ханомъ въ 1873 году противъ русскихъ. Крѣпость эта построена параллельно правому берегу рѣки Мургаба и заключаетъ въ себѣ ширины 450 саженъ, длины съ одной стороны 950, съ другой 1200 саженъ. Стѣны имѣютъ 14 аршинъ толщины и оканчиваются на верху щитами 2½ аршина высоты и 1½ аршина толщины. Въ щитахъ подѣланы амбразуры, въ два аршина ширины, для стрѣльбы изъ нихъ въ непріятеля. Теперь эта крѣпость съ каждымъ годомъ разрушается, какъ вслѣдствіе вліянія на нее стихій, такъ и вслѣдствіе воздѣйствія на нее человека.

Въ 17½ верстахъ отъ Новаго-Мерва по дорогѣ на Юлотанъ стоитъ небольшая крѣпостца Геохъ-Тене, неизвѣстно кѣмъ и противъ кого возведенная. Крѣ-

пость эта представляетъ изъ себя форму совершенно правильнаго квадрата и имѣетъ въ окружности по всѣмъ валамъ около 640 аршинъ при 80 аршинахъ высоты. Съ наружной стороны она обнесена широкой, въ 20 аршинъ, канавой, наполненной водой. Въ крѣпости можно видѣть остатки амфоръ, стекла, кирпичей, костей животныхъ, костей людей и т. п. Къ юго-востоку отъ крѣпости, среди открытой степи, насыпаны три кургана, два въ одну линію, прямо противъ крѣпости, и одинъ нѣсколько въ сторону, но всѣ три, какъ кажется, для стратегическихъ цѣлей.

Въ 10 верстахъ отъ Геохъ-Тене, по той же Юлотанской дорогѣ, имѣются развалины крѣпости Джюльбарсъ, представляющія изъ себя всхолмленную мѣстность, около 1½ версты длины и около ½ версты ширины, съ остатками глинобитныхъ стѣнъ, жженныхъ кирпичей, различныхъ черепковъ и разнаго рода костей. Время построенія этой крѣпости, какъ и время разрушенія ея, остается совершенно неизвѣстнымъ.

Отъ Новаго-Мерва поѣздъ дѣлаетъ одинъ пролетъ въ 26 верстъ и останавливается у станціи Байрамъ-Али (порусски „Праздникъ Али“), какъ разъ въ виду развалинъ Древняго-Мерва.

¹⁾ Григорьевъ О скиоскомъ народѣ сакахъ, С.-Петербургъ 1871, 58.